

Н.С. Ефремова

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: ens77@mail.ru

Ихтиофауна в материалах западносибирских погребальных памятников раннего железного века: семантический аспект

В статье отражены варианты интерпретации остатков ихтиофауны, обнаруженных в погребальных памятниках Западной Сибири эпохи раннего железа. Исследованиями последних лет выявлен ряд курганных могильников, большей частью саргатской культуры, содержащих кости и чешую рыбы. Зафиксированы как единичные костные остатки, так и их скопления. По типу локализации подобные объекты делились на несколько видов: в могиле, на уровне погребенной почвы под насыпью кургана, в жертвенной яме, в непосредственной близости от кургана, но вне сакрального пространства. При значительной роли рыболовства в хозяйственном укладе древних культур рассматриваемого региона, использование рыбы в погребально-поминальной обрядности наряду с мясной пищей могло быть обусловлено изобилием этого пищевого ресурса. Однако отмечено, что в ряде кочевых культур от Алтая и Западной Сибири до Причерноморья различные виды ихтиофауны выступают и в культовой ипостаси. В работе сделана попытка реконструкции значения данного образа в мировоззрении сибирских обществ раннего железного века. Сакральная коннотация связывает образ рыбы с потусторонним миром, а также с культами плодородия и возрождения; зафиксированы случаи использования отдельных костей в качестве апотропеев. В сибирской погребально-поминальной обрядности рыба могла фигурировать в качестве жертвенного приношения, продукта для поминальной тризны или сопроводительной пищи в погребении. Различия в составе остатков рыбы (кости, жаберные крышки, чешуя в различных сочетаниях) могут свидетельствовать о существовании специфических обрядовых блюд или ритуалов, зависящих от вариаций погребальной культовой практики.

Ключевые слова: Западная Сибирь, рыболовство, курган, жертвоприношение, тризна, ранний железный век, саргатская культура, ихтиофауна.

N.S. Efremova

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: ens77@mail.ru

Ichthyofauna from the Burial Sites of the Early Iron Age in Western Siberia: Semantic Aspect

This article discusses different interpretations of ichthyofaunal remains found at the burial sites of the Early Iron Age in Western Siberia. In recent years scholars have discovered a whole number of burial grounds of the barrow type, mostly belonging to the Sargat culture, which contained fish bones and scales. Several location types of individual bone remains and their clusters have been observed: in a grave, at the level of the buried soil under the mound, in the sacrificial pit, and near the mound, yet outside the sacred space. Since fishing played an important role in economic structure of the Western Siberian ancient cultures, fish could have been used in funeral and commemorative rites together with meat because of abundance of this food resource. However, it also has been observed that various species of ichthyofauna appeared in cultic hypostasis in a number of nomadic cultures from the Altai and Western Siberia to the Black Sea region. This article attempts to reconstruct the significance of this image in the worldview of Siberian societies of the Early Iron Age. The sacred connotation connects the image of fish with the otherworld, fertility, and rebirth cults. Cases of using individual bones as protective amulets are known. Fish could be a sacrificial offering, product for funeral feast, or accompanying food in a burial in Siberian funeral and commemorative rites. Differences in the composition of fish remains (bones, gill covers, scales in various combinations) may indicate that there were specific ceremonial dishes or rituals which depended on variations in funerary cultic practices.

Keywords: Western Siberia, fishery, barrow, sacrifice, funeral feast, Early Iron Age, Sargat culture, ichthyofauna.

Присваивающие формы хозяйства с древности и практически до этнографической современности являлись значительным элементом в хозяйственно-экономическом укладе сибирских традиционных обществ. Материальные остатки археологических культур свидетельствуют о прямой зависимости доминантных отраслей хозяйства от природно-климатических и ландшафтных условий. В северной части лесостепной зоны в эпоху раннего железа преобладало многоотраслевое хозяйство, сочетавшее в различных пропорциях скотоводство, земледелие, рыболовство и охоту в зависимости от ландшафтно-климатической ситуации [Косарев, 1984, с. 123]. В этот период отмечается значительная роль рыболовства: кости и чешуя речных и озерных рыб – окуня, язя, щуки и др. – встречаются в материалах городищ, причем отдельные особи имеют здесь размеры более метра [Там же, с. 122]. Достоверно зафиксировать существование рыболовства помогает наличие орудий для ловли рыбы, а также следы рыбных продуктов, выявленные исследователями по анализу нагаров на посуде [Чикунова, 2006, с. 7]. Так, на Рафайловском городище в Притоболье, помимо костей и чешуи рыбы, обнаружены грузила и берестяные (в виде мотков бересты) поплавки; анализ костей носителей саргатской культуры выявил наличие в тканях цинка и никеля, что тоже свидетельствует о присутствии в рационе саргатцев рыбной пищи [Чикунова, 2005, с. 188]. В материалах городищ кулайской культуры (Мурашка, Тимирязево III) встречены рыболовные крючки [Рыбаков, 2015, с. 11, 13]. На поселении кулайской культуры Дубровинский Борок на каждом квадратном метре обнаруживалось в среднем одно грузило. Для рыбной ловли кулайцами использовались и гарпуны. У носителей большереченской культуры существовало комплексное хозяйство с преобладанием охоты и рыболовства. В материалах городищ Ордынское-9, Милованово-3а и 6, X Кордон-4 встречены каменные грузила – уплощенные с выбитыми углублениями для перехвата веревкой [Троицкая, Бородавский, 1994, с. 6, 53].

Основная масса известных в настоящее время сибирских ихтиологических материалов происходит из поселенческих комплексов. Что касается погребальных памятников, то на настоящий момент нам известны лишь единичные случаи обнаружения остатков ихтиофауны в подобном контексте [Кобелева, 2014]. С этим связаны, прежде всего, определенные сложности в получении материала: насыпи элитных курганов часто разбирались с применением техники, кости рыбы при применении данной методики могли остаться незафиксированными.

В научной литературе последних лет уже имели место сообщения о связи ихтиофауны с погребальными ритуалами в археологических культурах предшествующей эпохи. Так, следы специфической обрядовой деятельности отмечены при исследовании

захоронений одиновской культуры (Преображенка-6, Тартас-1), где погребения и сопровождающие их ямы содержали ихтиологические материалы [Молодин и др., 2012; 2019]. Материалы андроновской (федоровской) культуры могильника Тартас-1 обнаруживают не просто присутствие рыбной сопроводительной пищи, но и варианты ее размещения в погребениях [Молодин и др., 2015].

В древних обществах кочевников-скотоводов в качестве жертвенных приношений в культовых действиях доминировал домашний скот. Использование сибирскими социумами наравне с мясной пищей рыбы – в качестве жертвы или поминальной снеди – свидетельствует о важной роли этого продукта, учитывая сакрализацию всех сфер жизнедеятельности архаичного коллектива.

Уникальные результаты в свете рассматриваемой проблемы получены при исследовании кург. 51 могильника Усть-Тартасские курганы, относящегося к саргатской культуре [Мильникова и др., 2022; Ядренкина и др., 2023]. В процессе снятия насыпи здесь были обнаружены остатки ихтиофауны, представленные скоплениями большого количества чешуи, позвонков и ребер крупных речных и озерных рыб, зафиксированные как на площади кургана, так и вблизи него. Немаловажным является тот факт, что урочище Таи, где расположен могильник, представляло собой в периоды обводнений большое проточное озеро, содержащее колоссальные запасы рыбы [Молодин, Мильникова, 2021, с. 240]. Так, с восточной стороны от курганной насыпи, в 2,6 м от последней, в яме залегал объемное скопление чешуи крупной рыбы. Слой чешуи имел мощность до 0,16 м (рис. 1). Среди чешуи зафиксирована также кость животного очень плохой сохранности. Еще больший интерес вызвали скопления костей и чешуи рыб, залегавшие на площади рва кургана – как над ним, так и в заполнении. Всего здесь отмечено пять объектов с ихтиологическими материалами. Так, напр., объект 7 располагался над рвом кургана, в 0,16 м над уровнем материка. В погребенной почве было выявлено компактно залегавшее скопление остатков рыбы (костей, чешуи), среди которых зафиксированы также кости птицы. Размеры скопления 0,86 × 0,52 м, продольной осью площадь распространения ихтиологических остатков ориентирована по линии С–Ю (рис. 2).

Кость рыбы была найдена также в верхнем горизонте заполнения внешнего рва кургана Венгерovo-6, кроме того, подобные находки сделаны в заполнении погр. 1 и 3, кости и жаберные крышки – в погр. 2; в погр. 5 яма 1 содержала мелкие кости рыбы, яма 6 – чешую и жаберные крышки крупной щуки [Кобелева, 2014, с. 205; Молодин и др., 2011, с. 190, 192]. Примечательно, что, в отличие от усть-тартасского кургана, здесь остатки ихтиофауны найдены большей частью в погребениях, т.е., вероятно, помещались в могилы в качестве сопроводительной пищи, тогда

Рис. 1. Могильник Усть-Тартасские курганы. Курган 51. Объект 1. Яма с ихтиологическими остатками.

Рис. 2. Могильник Усть-Тартасские курганы. Курган 51. Объект 7. Скопление костей и чешуи рыбы.

как в кургане Усть-Тартасского могильника рыба являлась, по-видимому, остатками тризны. Присутствие же, помимо костей, чешуи рыбы делает проблему интерпретации данных объектов неоднозначной.

Кости рыбы обнаружены также в кург. 7 могильника Тартас-2 (раскопки Л.Н. Мыльниковой и В.И. Молодина 2023 года), расположенном в 5,5 км к ЗЮЗ от описанного памятника и также относимого к саргатскому времени. Здесь, в восточной части насыпи

кургана, на глубине 0,35 м от современной дневной поверхности найдена челюсть крупной рыбы; вблизи кургана, в 10 м к ВСВ от него – небольшое компактное скопление чешуи.

Если рассматривать ихтиологические остатки как следы тризн или жертвоприношений, то расположение скоплений чешуи и костей рыбы над рвом может свидетельствовать о достаточно длительном почитании захороненных членов общества. Соглас-

но мнению Н.П. Матвеевой, ров вокруг кургана мог сооружаться после обряда погребения, проведения поминальной тризны и снабжения могилы перекрытием, при этом какой-то период памятник оставался открытым [Корякова, 1994, с. 140], тризны же могли повторяться с определенной цикличностью [Там же, с. 160]. В рассматриваемом случае остатки ихтиофауны зафиксированы на разной глубине в заполнении рва (в том числе и выше уровне материка), что предполагает существование большого временного отрезка между сооружением рва и его полным заполнением. Семантическим нюансом является интерпретация локализации костей рыбы именно на площади рва. При исследовании Толстой могилы было отмечено, что после тризны «...кости съеденных животных сбрасывались в ров и, если следовать этнографическим свидетельствам, являлись жертвенными атрибутами, связанными с культом плодородия, возрождения», их помещение в ров являлось частью общей заупокойной церемонии [Бибикова, 1973, с. 67; рис. 2]. Вполне вероятно, что в рыбном эквиваленте акт помещения остатков тризны в область рва мог иметь аналогичное назначение. Примечательно, что и скопления костей животных из Толстой могилы, и скопления костей рыбы усть-тартасского кургана располагались преимущественно над восточной половиной рва.

Использование рыбной пищи в обрядовой деятельности, несомненно, обусловлено, прежде всего, особенностями ведения хозяйства (природным фактором – изобилием рыбы, развитым рыболовством – важной отраслью региональной экономики). Согласно данным этнографии, погребальная и поминальная пища могла соотноситься с повседневной, однако при ритуальных действиях использовались самые ценные продукты. Так у тазовских селькупов рыба традиционно являлась основой питания. На ранних селькупских памятниках – могильниках XV–XVII вв. в Нарымском Приобье – остатки тризн в виде костей и чешуи рыб размещались на погребенной почве под насыпями курганов. В захоронении XIX в. у п. Киккиакки зафиксирован костеносный слой из мешаных с грунтом чешуи и костей рыб с включениями костей птиц и млекопитающих мощностью до 12 см. При этом удалось проследить два варианта поминальных рыбных блюд, от которых сохранились мешаные кости и чешуя, а также кости рыбьих голов и чешуя в анатомическом положении, т.е. отчлененные рыбьи головы с кожей. [Пошехонова, Адаев, 2016, с. 128, 130, 131]. Не исключено, что присутствие последних было обусловлено связанными с рыбой составляющими погребального обряда.

Упоминания о сакральности образа рыбы в эпоху раннего железа для ряда культур кочевого мира отмечены на широкой территории, от сибирской лесостепи до Причерноморья, вплоть до выявленного у сарматов культа рыбы [Дзиговский, Островерхов, 2010, с. 166].

В предшествующий период в куро-аракской археологической культуре Кавказа, еще в эпоху ранней бронзы, рыба упоминается как символ покровительницы животных и плодородия [Хидашели, 1977, с. 114]. Жабберные кости крупных рыб, находимые в сарматских погребениях Зауралья и Поднепровья, интерпретируются исследователями как амулеты [Купцов, Крюкова, 2016, с. 132].

Изображения рыбы встречаются на артефактах из погребальных комплексов; к сожалению, объем статьи позволит охарактеризовать лишь единичные экземпляры. Так, конские уборы в виде рыб найдены и в захоронении лошадей из кургана Солоха, в этом же кургане обнаружены деревянные сосуды с изображениями рыб [Манцевич, 1987, с. 14, 123]. Из клада с поселения Дианово-II в Приуралье происходит литая бронзовая бляха в виде рыбы. Данная подвеска трактуется как женское украшение и имеет аналогии в погребениях гороховской и саргатской культур, а также в материалах Красноярского клада в Омской обл. [Рябинина и др., 2023, с. 62–63].

В Сибири образ рыбы нашел отражение в материалах из погребений пазырыкской культуры. Изображения рыб отмечены в убранстве лошадей – как, напр., войлочные рыбы-подвески к покрытию седел из Пазырыкских курганов и из кургана могильника Ак-Алаха или золотые листики в виде рыбок, украшение конской упряжи из Второго Туэктинского кургана. Встречаются изображения рыб и в рядовых захоронениях пазырыкцев, украшая одежду погребенных, напр., фрагмент поясного ремня в виде рыбы (Уландрык). Рыба (налим) нанесена в виде татуировки на ногу погребенного из второго Пазырыкского кургана. Н.В. Полосьмак, анализируя пазырыкские изображения, интерпретирует стилизованный образ рыбы – налима, который может питаться падалью – как один из символов смерти; интересно, что рыбы могильника Ак-Алаха украшены также фигурами грифов [Полосьмак, 1992, с. 135, 136]. Не исключено, что данная рыба являла собой разноплановый, полисемантический образ, интерпретация которого базировалась на представлениях о связи рыбы с нижним, потусторонним миром [Топоров, 1992]. Подобная связь прослеживается во многих культурах – от Африки, где рыба являлась воплощением души умершего, до Австралии, где роль рыбы в загробном мире была доминирующей. Вместители души усопшего первоначально считалась рыба в Древней Греции, сирийцы же поклонялись рыбам, как богам. В Египте, Китае, Индии рыба символизировала новое рождение, что обусловило частое использование этого образа в погребальных обрядах [Кагаров, 1913, с. 299, 300; Ляшенко, 2011, с. 53–54]. На острове Сулавеси к большому прицепляли рыболовные крючки, чтобы помешать душе расстаться с телом. По представлениям даяков Приморья, пальцы шамана должны быть снабжены подобными крючками, чтобы он мог в момент отлета

души захватить ее и вернуть в тело больного [Фрэйзер, 1983, с. 176]. Вятские марийцы в XIX в. полагали, что человек может умереть до семи раз, после чего превращается в рыбу [Смирнов, 1889, с. 120]. В древности связь рыбы с нижним миром ярко отражена и в иранской модели мироздания и исследователями отмечено, что зооморфным кодом этой модели пользовались носители саргатской культуры [Корякова, 1994, с. 164].

Выводы

В погребальных памятниках Западной Сибири наблюдается дифференциация остатков ихтиофауны: рыба представляет собой жертвенную – поминальную – сопроводительную пищу. Различные виды локализации рыбы в могиле могут указывать на вариативность обрядовой практики. Присутствие чешуи на территории сакрального пространства, возможно, свидетельствует о существовании специфических блюд или обрядов, включавших разделку рыбы непосредственно на месте погребения.

Преобладающие отрасли хозяйства обусловлены, прежде всего, природно-климатической средой, которую населяли древние коллективы. И если в Барабинской лесостепи в VII–I вв. до н.э. долины всех крупных рек и озер были заселены (а в настоящее время здесь насчитывается более 2,5 тыс. озер), можно предположить, что рыболовство играло в хозяйственном укладе значительную роль [Полосьмак, 1987, с. 110]. В.О. Витт в 1937 г. пришел к выводу, что ритуальным животным становится, в первую очередь, то, которое играет определяющую роль в экономике [Кузьмина, 1977, с. 29]. Использование рыбы в погребально-поминальной обрядности наряду с мясной пищей могло быть обусловлено изобилием этого пищевого ресурса в близлежащих водоемах. С другой стороны, ключевым моментом, возможно, являлась семантика данного образа в идеологических представлениях сибирских обществ раннего железного века. Его присутствие на помещаемых в погребение предметах должно было иметь определенный мифический или обрядовый подтекст. Зафиксированные варианты ритуальной деятельности позволяют рассматривать становление и развитие связанных с ихтиофауной аспектов мировоззрения в динамике, с учетом территориальных этнокультурных процессов.

Благодарности

Исследование выполнено в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2022-0006 «Комплексные исследования древних культур Сибири и сопредельных территорий: хронология, технологии, адаптация и культурные связи».

Выражаю глубокую благодарность академику В.И. Молодину и д-ру ист. наук Л.Н. Мильниковой за возможность пользоваться неопубликованными материалами.

Список литературы

- Бибикова В.И.** К интерпретации остеологического материала из скифского кургана Толстая могила // СА. – 1973. – № 4. – С. 63–68.
- Дзиговский А.Н., Островерхов А.С.** «Странные комплексы»: о семантике предметов и памятников в целом // Stratum plus. – 2010. – № 3. – С. 145–174.
- Кагаров Е.** Культ фетишей, растений и животных в Древней Греции. – СПб.: Сенатская типогр., 1913. – 327 с.
- Кобелева Л. С.** Культурная адаптация населения раннего железного века Барабинской лесостепи на основе исследования ихтиологических и орнитологических материалов // Тр. IV (XX) Всерос. археол. съезда в Казани. – Т. II. – Казань: Отечество, 2014. – С. 205–207.
- Корякова Л.Н.** Период раннего железа // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 2. Мир реальный и потусторонний. – Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та, 1994. – Гл. 4. – С. 113–168.
- Косарев М.Ф.** Западная Сибирь в древности. – М.: Наука, 1984. – 246 с.
- Кузьмина Е.Е.** Распространение коневодства и культура коня у ираноязычных племен Средней Азии и других народов Старого света // Средняя Азия в древности и Средневековье (история и культура). – М.: Наука, 1977. – С. 28–52.
- Купцов Е.А., Крюкова Е.А.** Кости рыб в сарматских погребениях VI в. до н.э. – IV в. н.э. // Константин Федорович Смирнов и современные проблемы сарматской археологии. – Оренбург: Изд-во Оренбург. гос. пед. ун-та, 2016. – С. 131–136.
- Ляшенко Н.Ф.** Рыба – знак-символ (религиозный и мифологический аспекты) // Рыбное хозяйство Украины. – 2011. – № 3. – С. 52–56.
- Манцевич А.П.** Курган Солоха. – Л.: Искусство, 1987. – 143 с.
- Молодин В.И., Дураков И.А., Кобелева Л.С., Конева Л.А.** Рыба в погребальной практике носителей андроновской (федоровской) культуры (по материалам могильника Тартас-1, Барабинская лесостепь, Западная Сибирь) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2015. – № 3. – С. 77–90.
- Молодин В.И., Дураков И.А., Кобелева Л.С., Конева Л.А.** Рыба в погребальной и ритуальной практике андроновской культуры в Барабинской лесостепи (по материалам могильника Тартас-1) // Вестн. Томск. гос. ун-та. Сер. История. – 2019. – № 62. – С. 170–179.
- Молодин В.И., Ефремова Н.С., Дураков И.А., Мильникова Л.Н., Сальникова И.В., Борзых К.Л.** Аварийные раскопки могильника саргатской культуры Венгеро-6 // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – Т. XVII. – С. 188–194.
- Молодин В.И., Конева Л.А., Чемякина М.А., Степаненко Д.В., Позднякова О.А.** Ихтиологические материалы из ритуальных комплексов андроновской культуры памятника Преображенка-6 // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2012. – № 2. – С. 25–36.

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н. Концентрация элитных курганов в Барабе: природные и социокультурные факторы // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2021. – Вып. XXVII. – С. 237–249.

Мыльникова Л.Н., Молодин В.И., Дураков И.А., Ефремова Н.С., Кобелева Л.С., Кудинова М.А., Ненахов Д.А., Ненахова Ю.Н., Нестерова М.С., Селин Д.В., Борзых К.А., Бобин Д.Н., Кравцова А.С., Некраш А.А., Попова Б.С., Титова А.А., Харитонов Р.М., Швецова Е.С. Элитный курган № 51 Усть-Тартасского могильника. Общие сведения // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2022. – Т. XXVIII. – С. 647–655.

Полосьмак Н.В. Бараба в эпоху раннего железа. – Новосибирск: Наука, 1987. – 144 с.

Полосьмак Н.В. Изображение рыбы в искусстве пазырыкской культуры // Северная Евразия от древности до средневековья. – СПб.: ИИМК РАН, 1992. – С. 134–138.

Пошехонова О.Е., Адаев В.Н. Погребальная и поминальная пища в североселькупском захоронении XIX в.: опыт этноархеологического анализа // Вестн. археол., антропол. и этнографии. – 2016. – № 3. – С. 127–136.

Рыбаков Д.Ю. Томское Приобье в конце IV/III вв. до н.э. – IV в. н.э.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – Барнаул, 2015. – 24 с.

Рябинина Е.А., Маслюженко Д.Н., Спиридонов И.А., Усачев Е.В. Клад раннего железного века на поселении Дианово-II в Белозерском районе Курганской области // Вестн. археол., антропол. и этнографии. – 2023. – № 2. – С. 58–68.

Смирнов И.Н. Черемисы. Историко-этнографический очерк. – Казань: Типогр. Императорского ун-та, 1889. – 212 с.

Топоров В.Н. Рыба // Мифы народов мира. – Т. 2. – М.: Советская энциклопедия, 1992. – С. 391–393.

Троицкая Т.Н., Бородавский А.П. Большеереченская культура лесостепного Приобья. – Новосибирск: Наука, 1994. – 184 с.

Фрэзер Д.Д. Золотая ветвь. – М.: Политиздат, 1983. – 703 с.

Хидашели А.Ш. Некоторые вопросы генезиса идеологических воззрений раннежелезного века // Вопр. древней истории. Кавказско-ближневосточный сб. – Тбилиси: Мецниереба, 1977. – Т. V. – С. 98–118.

Чикунова И.Ю. К вопросу о рационе питания саргатского населения // Вестн. археол., антропол. и этнографии. – 2005. – № 5. – С. 187–191.

Чикунова И.Ю. Хозяйство и быт населения саргатской культуры Притоболья (к реконструкции хозяйственно-культурного типа): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Тюмень, 2006. – 24 с.

Ядренкина Е.Н., Мыльникова Л.Н., Некраш А.А., Титова А.В. Рыба в погребальной практике населения саргатской культуры раннего железного века Барабинской лесостепи (по материалам кургана № 51 Усть-Тартасского

могильника) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2023. – Т. 22. – № 7: Археология и этнография. С. 66–79.

References

Bibikova V.I. K interpretatsii osteologicheskogo materiala iz skifskogo kurgana Tolstaya mogila. In *Sovetskaya arkheologiya*. 1973. N 4. P. 63–68. (In Russ.).

Chikunova I.Y. Khozyaistvo i byt naseleniya sargatskoi kul'tury Pritobol'ya (k rekonstruktsii khozyaistvenno-kul'turnogo tipa): cand. sc. (history) dissertation abstract. Tyumen, 2006. 24 p. (In Russ.).

Chikunova I.Y. On the Diet of the Sargatka Population. In *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*. 2005. N 5. P. 187–191. (In Russ.).

Dzegovskii A.N., Ostroverkhov A.S. “Odd Complexes”: about the Semantics of Objects and Monuments in General. *Stratum plus*, 2010. N 3. P. 145–174. (In Russ.).

Frezer D.D. Zolotaya vetv'. Moscow: Politizdat, 1983. 703 p. (In Russ.).

Kagarov E. Kul't fetishei, rastenii i zhivotnykh v Drevnei Gretsii. St. Petersburg: Senatskaya tipografiya, 1913. 327 p. (In Russ.).

Khidasheli A.S. Nekotorye voprosy genezisa ideologicheskikh vozzrenii rannezheznogo veka. In *Voprosy drevnei istorii. Kavkazsko-blichnevostochnyi sbornik*. Tbilisi: Metsniereba, 1977. Vol. 5. P. 98–118. (In Russ.).

Kobeleva L. S. Kul'turnaya adaptatsiya naseleniya rannego zheznogo veka Barabinskoi lesostepi na osnove issledovaniya ikhtologicheskikh i ornitologicheskikh materialov. In *Trudy 4 (20) Vseros. arkheol. s"ezda v Kazani*. Kazan: Otechestvo, 2014. Vol. 2. P. 205–207. (In Russ.).

Koryakova L.N. Period rannego zheleza. In *Ocherki kul'turogeneza narodov Zapadnoi Sibiri*. Tomsk: Tomsk State Univ. Press, 1994. Vol. 2. Mir real'nyi i potustoronni. Chap. 4. P. 113–168. (In Russ.).

Kosarev M.F. Zapadnaya Sibir' v drevnosti. Moscow: Nauka, 1984. 246 p. (In Russ.).

Kuptsov E.A., Kryukova E.A. Kosti ryb v sarmatskikh pogrebeniyakh VI v. do n.e. – IV v. n.e. In *Konstantin Fedorovich Smirnov i sovremennye problemy sarmatskoi arkheologii*. Orenburg: Orenburg State Pedagog. Univ. Press, 2016. P. 131–136. (In Russ.).

Kuzmina E.E. Rasprostranenie konevodstva i kul'ta konya u iranoyazychnykh plemen Srednei Azii i drugikh narodov Starogo sveta. In *Srednyaya Aziya v drevnosti i Srednevekov'e (istoriya i kul'tura)*. Moscow: Nauka, 1977. P. 28–52. (In Russ.).

Lyashenko N.F. Ryba – znak-simvol (religiozni i mifologicheskii aspekty). In *Rybnoe khozyaistvo Ukrainy*. 2011. N 3. P. 52–56. (In Russ.).

Mantsevich A.P. Kurgan Solokha. Leningrad: Iskusstvo, 1987. 143 p. (In Russ.).

Molodin V.I., Durakov I.A., Kobeleva L.S., Koneva L.A. Fish in the Burial Rite of Andronovo (Fedorovka) People, Based on Tartas-1 Cemetery. *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*, 2015. N . P. 77–90.

Molodin V.I., Durakov I.A., Kobeleva L.S., Koneva L.A. The role of fish in the burial and ritual practice of the Odino culture (Tartas-1 site, Baraba forest-steppe). In *Tomsk State Univ. J. of History*, 2019. N 62. P. 170–179. (In Russ.).

Molodin V.I., Efremova N.S., Durakov I.A., Mylnikova L.N., Salnikova I.V., Borzykh K.L. Avariinye raskopki mogil'nika sargatskoi kul'tury Vengerovo-6. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2011. Vol. 17. P. 188–194. (In Russ.).

Molodin V.I., Koneva L.A., Chemyakina M.A., Stepanenko D.V., Pozdnyakova O.A. Fish bones in Odino ritual complexes at Preobrazhenka-6, Western Siberia. In *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*, 2012. N 2. P. 25–36. (In Russ.).

Molodin V.I., Mylnikova L.N. Kontsentratsiya elitnykh kurganov v Barabe: prirodnye i sotsiokul'turnye factory. In *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altaiskogo kraya*. Barnaul: Altay State Univ. Press, 2021. Iss. 27. P. 237–249. (In Russ.). doi: 10.14258/2411-1503.2021.27.37

Mylnikova L.N., Molodin V.I., Durakov I.A., Efremova N.S., Kobeleva L.S., Kudinova M.A., Nenakhov D.A., Nenakhova Yu.N., Nesterova M.S., Selin D.V., Borzykh K.A., Bobin D.N., Kravtsova A.S., Nekrash A.A., Popova B.S., Titova A.A., Kharitonov R.M., Shvetsova E.S. Elite Burial Mound No. 51 at the Ust-Tartas Burial Ground: General Information. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2022. Vol. 28. P. 647–655. (In Russ.). doi: 10/10046/2658-6193.2022.28.0647-0655

Polosmak N.V. Baraba v epokhu rannego zheleza. Novosibirsk: Nauka, 1987. 144 p. (In Russ.).

Polosmak N.V. Izobrazhenie ryby v iskusstve pazyrykskoi kul'tury. In *Severnaya Evraziya ot drevnosti do srednevekov'ya*. St. Petersburg: IIMK RAS Publ., 1992. P. 134–138. (In Russ.).

Poshekhonova O.E., Adaev V.N. Burial food and funeral feast remains from a Northern Selkup grave of 19th century: the experience of ethnoarchaeological analysis. In *Vestnik arkhologii, antropologii i etnografii*, 2016. N 3. P. 127–136. (In Russ.).

Rybakov D.Y. Tomskoe Priob'e v kontse 4/3 vv. do n.e. – 4 v. n.e.: cand. sc. (history) dissertation abstract. Barnaul, 2015. 24 p. (In Russ.).

Smirnov I.N. Cheremisy. Istoriko-etnograficheskiy ocherk. Kazan: Imperator. Univ. Press, 1889. 212 p. (In Russ.).

Toporov V.N. Ryba. In *Mify narodov mira*. M.: Sovetskaya entsiklopediya, 1992. Vol. 2. P. 391–393. (In Russ.).

Troitskaya T.N., Borodovskiy A.P. Bol'sherechenskaya kul'tura lesostepnogo Priob'ya. Novosibirsk: Nauka, 1994. 184 p. (In Russ.).

Yadrenkina E.N., Mylnikova L.N., Nekrash A.A., Titova A.V. Fish in Burial Practice of the Sargat Culture Population of the Early Iron Age of the Baraba Forest-Steppe (According to the Materials of the Mound No. 51 of the Ust-Tartas Burial Ground). In *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2023. Vol. 22. N 7: Archaeology and Ethnography. P. 66–79. (In Russ.). doi 10.25205/1818-7919-2023-22-7-66-79

Ефремова Н.С.: <https://orcid.org/0000-0002-3053-8755>